

ЮРИЙ ГУСЕВ

*Лайош Мештерхази:
от финала к дебюту*

Не так уж вроде бы и давно, во второй половине 70-х (Господи Боже, как же давно: сорок лет назад!), “ИЛ” напечатала роман венгерского писателя Лайоша Мештерхази “Загадка Прометея”. Публикация не просто вызвала интерес: она стала событием. Она стала ярким событием — на фоне того литературного материала, который появлялся в “ИЛ”, как и в других советских журналах и издательствах, печатавших зарубежную литературу. Ни в коем случае не хочу бросать камень в огород своего любимого журнала: просто нужно вспомнить (а мне-то вспомнить нетрудно: сам по мере сил участвовал в той “сизифовой” деятельности), с какими невероятными муками приходилось отбирать, вылавливать в море мировой литературной продукции произведения, чтобы они и не были уж слишком скоромными, а в то же время разоблачали “их нравы”, и чтобы, не дай Бог, не критиковали социалистическую систему и социалистическую идеологию — ну и чтобы все-таки представляли какое-никакое качество. А результаты этого отбора попадали на столы высококомпетентных чиновников Главли-

та, Отдела культуры ЦК и т. д., и те, по каким-то им одним ведомым причинам, накладывали запрет на самые порой интересные вещи¹.

Так что “Загадка Прометея” стала в этом отношении настоящим подарком. Никаких грехов, из названных выше, в романе не просматривалось. И, Боже мой, он был так остроумно, оригинально, свежо написан, так увлекал интеллектуальной игрой!.. Правда, что скрывать: ко всяким там интеллектуальным играм высококомпетентные органы склонны были относиться с подозрением, однако Лайош Мештерхази (и в данной ситуации это, пожалуй, было решающим фактором) давно зарекомендовал себя как писатель, твердо стоящий на прочном фундаменте самого передового в мире метода — метода социалистиче-

1. Нет смысла слишком углубляться в эту неисчерпаемую тему. Хочу лишь отослать тех, кому это интересно, к попавшейся мне недавно на глаза (в интернете) статье Е. А. Кацевой “Описание одной борьбы (Франц Кафка — по-русски)” (“Знамя”, 1993, № 12): трагикомические перипетии того, как пробивался к советскому читателю Кафка, стоят, честное слово, какого-нибудь запутанного детектива в смеси с драмой абсурда.

ского реализма. Так что какие уж тут подозрения!

О соцреализме, после его бесславной кончины, написано уже столько! Но не могу удержаться, чтобы не добавить в копилку совсем немного (как говорится, буквально два слова).

С одной стороны, соцреализм — это, конечно, прокрустово ложе, куда не просто пытались “утрамбовать” никак туда не укладывающихся художников, но куда многие старались втиснуться добровольно и с огромной охотой: очень уж это выгодно было. С другой стороны, “ложе” было каким-то странным, чуть ли не резиновым. Туда, например, ухитрились уложить антисоветский, в сущности, роман “Тихий Дон” Шолохова и еще много чего. Да и “Мать” М. Горького, не будь на нее навечно навешана этикетка с сообщением, что это — первое и как бы эталонное произведение соцреализма, воспринималась бы, вероятно, как интересная попытка вывести образ нового человека, чуть-чуть даже сверхчеловека (влияние Ницше), показать возможность едва ли не мгновенного преобразования и очищения личности (библейский мотив превращения Савла в Павла), попытка, может быть, более удавшаяся, чем стремление увидеть сверхчеловеческое в маргиналах, вроде бродяги и вора Челкаша...

Но в данном случае, в истории с Мештерхази, более уместно, вероятно, прозвучит мысль о том, что и в тесных рамках “самого передового метода” могли рождаться вещи, которые, формально даже и укладываясь в эти рамки, на деле

были шире, объемнее, содержательнее, сложнее, чем того требовал и что подразумевал канон. Ведь и в советской литературе, на протяжении, как минимум, полувека бывшей оплотом соцреализма, появилось немало произведений, за которые нам и сейчас не стыдно перед миром. Причем я имею в виду не только авторов гонимых, заклеенных как отщепенцы, но и тех, кто канон принимал или, во всяком случае, не отвергал его ни словом, ни делом (приходят на память Л. Леонов, В. Катаев, Ч. Айтматов, В. Астафьев, В. Шукшин, Ю. Трифонов... Уверен, перечислять можно долго; хотя относительно многих имен возможны разные мнения).

В конце концов, в литературе и искусстве, например, классицизма, где эстетические нормативы были, как представляется, еще более жесткими, чем в соцреализме, вырастали творцы, которых мировая культура ценит не за то, что они были классицистами, но за то, что они, будучи классицистами, создавали шедевры мирового значения.

У Дмитрия Быкова, в его книге о Пастернаке, я недавно встретил слова, которые, при всей их простоте и очевидности, подействовали на меня как откровение. Говоря о некоторых стихотворениях А. Вознесенского (на которого сильно повлиял Пастернак), Быков пишет: “...на таких высотах вообще уже неважно — где авангард, где традиция”¹. В са-

1. <http://avidreaders.ru/book/boris-pasternak.html>

мом деле, если, скажем, пытаюсь оценить поэзию Кручных, мы все время должны помнить, что он был футуристом, то для творчества Маяковского принадлежность поэта к футуризму играет далеко не решающую роль. А для Есенина его участие в группе имажинистов так и совсем никого (кроме разве что специалистов-есениноведов) не интересует.

“Загадка Прометея”, мне кажется, убедительнейшим образом подтверждает эту (понимаемую мной, может быть, шире, чем имел в виду, в данном конкретном случае, Д. Быков) мысль. Да, Лайош Мештерхази “числился” по ведомству соцреализма — но разве этот роман (о других его произведениях здесь нет возможности говорить) не выводит писателя на ту самую высоту, где нет особого смысла говорить о каких-то школах и направлениях! “Загадка Прометея” — “просто” очень большое, мудрое, духовно емкое (ладно, не стану употреблять здесь слово “великое”, придержу его в уме) произведение.

И, надо сказать, читатели “ИЛ” это сразу почувствовали. Недаром спустя год после публикации романа журнал печатал подборку, составленную из писем в редакцию. Писем восторженных, довольно толковых, хотя и отражающих образ мысли (или пользуясь появившимся позже словечком “двоемыслие”) того времени. Так, читательница из Еревана, подмечая тягу Мештерхази к поискам идеального героя (собственно, и Горький этим грешил), к изображению “ка-

чественного роста человека”, тут же спешит добавить: “Человек начнет получать удовольствие от себя, то есть будет доволен самим собой, а также от своей работы, оттого что удалось выполнить задачи, поставленные на XXV съезде КПСС”¹. Куда более дельным представляется мнение другой читательницы, преподавателя истории из Воронежского университета. Подчеркивая, что писателя заинтересовал не Прометей-бунтарь, а Прометей “пожилой, усталый, начисто лишенный атрибутов героического”, автор письма делает на удивление точный и проницательный вывод: “...именно этот понятный, даже обыденный Прометей несет с собой загадку — загадку Прометея, которая на самом деле оказывается загадкой Человека, жившего тысячелетия назад и живущего теперь”².

А сейчас я хочу сообщить нечто, что в этой истории с книгой Лайоша Мештерхази поразило меня больше всего. “Загадку Прометея” — читают и сейчас! Читают и пишут отзывы. Конечно же, в благословенном интернете. Наберите в поисковой строке, скажем, Яндекс, фамилию автора, название книги, слово “отзывы” — и перед вами появятся, для начала, сразу пять пространных записей, в сущности — маленьких эссе; последняя запись датирована 5 апреля 2017 года. Авторы их, как теперь принято, скрываются под придуманными никами, так что невозмож-

1. “ИЛ”, 1977, № 8, с. 260.

2. Там же.

но определить ни их возраст, ни профессию, ни местонахождение. По хорошему слогу чувствуется, что это люди образованные и, скорее всего, гуманистари. (Во всяком случае, “рабочего железобетонного завода № 3”, как в упомянутой выше подборке, здесь явно нет, — хотя рабочий тот показался мне слегка подозрительным: слишком уж грамотно, четко, аргументированно — одним словом, интеллигентно — он пишет: не рабочий, а прямо доцент какой-то.) И, главное, они в общем сразу видят суть того “передового метода”, на фундаменте которого якобы стоит Мештерхази. В обществе “заматерелого социализма”, как выражается автор одного из отзывов (фигурирующий под ником “yuliara”), по-другому сказать что-либо существенное было бы чрезвычайно трудно, и потому “автор о многом, важном для него, говорит обиняками, эзоповым языком, используя подходящие мифические и реальные события. Он рассуждает, как устроена жизнь, государство, каким должен быть достойный правитель, а каким — достойный народ. Увы, что касается достойного народа, то тут нас, как и автора, ожидает большое разочарование”¹.

Что и говорить, звучит невероятно актуально...

И ведь действительно ирония Мештерхази, обычно добродушная, иногда становится просто-таки ядовитой. Чего стоит, например, такая деталь: описывая царский двор в Ми-

кенах (куда Геракл привез освобожденного им Прометея), подробно характеризуя господствующие там нравы: мелочные интриги, подсиживания, лицемерие, грызню, — писатель, как бы сочувственно, вздыхает, соболезнуя этим жалким людям: “...они были всего лишь простыми смертными. И они ужасно серьезно принимали ту коротышку жизнь, которая была им отпущена, стонали под гнетом властей предрержащих и собственных страхов”. “И они жили еще не при коммунизме”¹, — совсем уж издевательски звучит финальный аккорд этой тирады.

Не менее ядовитым (думаю, даже для современников; и только вершители издательской судьбы романа делали, ради собственного спокойствия, вид, будто никакого яда тут нет, а есть, напротив, искренность и чистая вера) выглядит пассаж о печальной судьбе многих предыдущих революций, на фоне которых так триумфальна нынешняя — социалистическая. “Ведь за столько тысячелетий, горьких тысячелетий, мы — первые, кому удалось наконец осуществить такую революцию, которая больше не влечет за собой появления нового слоя избранных, когда не существует больше протекции, человек не измывается над человеком, пользуясь властью, когда только труд и способности дают право на выдвижение и нет больше разного вида и ран-

1. <https://www.livelib.ru/book/1000565284/reviews-zagadka-prometeya-lajosh-meshterhazi>

1. Лайош Мештерхази. Загадка Прометея: Роман, рассказы. — Кishинев: Литература артистикэ, 1985. — С. 197.

га воровства и проституции, никто не может, не трудясь, за счет других приобрести имущество и власть... И так далее, см. наших классиков — и самые искренние наши намерения, на пути осуществления которых, однако, иной раз возводят препоны отдельные периферийного характера явления”¹. Все по схеме: огромные успехи — отдельные недостатки...

В подобном ключе роман можно было бы цитировать и цитировать. Но пора, наконец, сказать, почему я пишу здесь о книге, появившейся в Венгрии в 1973 году и опубликованной у нас в 1976 году (хотя сама по себе книга эта, как видим, заслуживает того, чтобы о ней размышлять и писать, а уж тем более читать ее и перечитывать сегодня).

Причина довольно проста. Спустя какое-то время после кончины Лайоша Мештерхази (1979) в его архиве был обнаружен совершенно готовый роман, законченный в 1943 году. В тот момент (это был разгар войны) роман не мог быть опубликован главным образом из-за его тематики — речь о ней пойдет ниже. После войны книга тоже не слишком подходила для издания — в общем, по тем же соображениям. После смены режима, в 90-е годы, когда тематические и идеологические ограничения практически исчезли, возобладали иные моменты: прежде всего следует иметь в виду, что читательская аудитория резко отвернулась от всего, что связа-

но было с социализмом, а точнее, что связано было с диктатурой коммунистов. При этом неприятие касалось не только соцреализма (а имя Мештерхази все-таки было прочно связано с соцреализмом, хотя, как я пытался показать, вопрос этот, мягко говоря, далеко не однозначен). Были старательно “забыты”, выпали из культурного оборота и многие другие художественные явления, которые кадаровская “мягкая диктатура” просто терпела, в лучшем случае стараясь видеть и позитивно оценивать свойственный им (“буржуазный” или “абстрактный”) гуманизм; теперь же они — пускай молчаливо — воспринимались как соучастники режима. (Увы, венгры то в том, то в этом бывают удручающе похожи на нас...)

Название романа — “Farsang”. Буквальное значение этого слова — “масленица”; поскольку же масленичная неделя повсеместно представляла собой период не только обильных застолий, веселья, игрищ, но — у многих народов Восточной Европы, венгров в том числе, — еще и выходы ряженных, то название можно перевести и как “масленичный карнавал”.

А если учесть содержание книги, то название это лучше перевести как — “Шáбаш”.

Но — все по порядку.

В 1938–1939 годах Лайошу Мештерхази, студенту филологического факультета Будапештского университета, выпало целый учебный год слушать лекции в Парижском университете; после этого он — как и другие студенты-венгры — вынужден был вернуться на родину: ситуация в Европе накалялась. В основе ро-

1. Лайош Мештерхази. Загадка Прометей. — С. 131.

мана и лежит судьба нескольких молодых людей, поставленных историей перед нелегкой задачей: необходимостью выбрать оптимальный путь.

Немного удивительно (мне, по крайней мере) было узнать, что этот, довольно короткий период, годы где-то с 1939-го по 1941-й или, может быть, даже чуть дольше, был в Венгрии периодом эйфории. Политическое и идеологическое сближение с гитлеровской Германией, предвоенная конъюнктура, взбодрившая экономику, возвращение, при моральной поддержке Гитлера, части Трансильвании (огромные территориальные утраты — почти две трети прежней территории, — понесенные страной после Первой мировой войны, стали крайне тяжелой травмой для общественного сознания венгров, так что их воодушевление после победоносного похода в Трансильванию понять не так уж трудно) — все это не могло не стать мощным стимулом для самочувствия той части общества, которая ориентирована была на предпринимательство и интересовалась политикой. Мештерхази весьма красочно (я бы сказал, уверенной, даже опытной рукой) живописует эти, разлитые в обществе настроения. Особенно впечатляет при чтении романа, вызывающая, может быть, даже некоторую растерянность, тот — один из доминирующих в книге — мотив, который связан с последовательно проводимой тогдашней властью линией на деюдификацию (есть ведь, кажется, такой термин) политической и экономической элиты страны, — до депортации, то есть

отправки в концлагеря и физического истребления евреев, было еще далеко: эти вещи начнутся в 1944 году с оккупацией Венгрии гитлеровскими войсками — однако то, что можно назвать поражением в правах, принимало все более интенсивную форму. Как ни странно это звучит, но процесс этот стал еще одним стимулом для эйфории: карьеристы и стяжатели всех мастей и оттенков ринулись захватывать освобождающиеся там и сям посты и хлебные местечки. Мештерхази дает весьма выразительные образы таких молодых людей, которые — кто, может быть, несколько стеснительно, кто предельно цинично — используют подвернувшийся шанс. Без прикрас рисует писатель этот (вот где налицо тот самый “шабаш”, который просвечивает в названии романа) парад амбиций, жадности, жестокости, вероломства, за которыми стоят трагедии и даже гибель людей, вина которых — только в том, что они родились не от “тех” родителей.

Роман этот — образец “доброутного” критического реализма. Точность образных характеристик, психологических мотивировок, меткая, нередко злая ирония, прекрасное владение языком — все это позволяет, думается, поставить эту книгу в то направление всемирной литературы XX века, ведущими представителями которого были Томас Манн, Голсуорси, Драйзер...

Выше я говорил о “Загадке Прометея” — вершине творческой эволюции Мештерхази. “Масленица” же — первая, хотя и значительная, веха этого

пути. Тридцать лет, разделяющие их, — огромная дистанция, особенно если иметь в виду сложность и насыщенность исторического пути, пройденного Венгрией в эти годы, и мировоззренческую, человеческую эволюцию самого Лайоша Мештерхази.

Конечно, в “Масленице” еще нет той уверенной, виртуозной, как бы немного даже небрежной, эссеистской интонации, которая будет захватывать и пленять читателя в “Прометее”. Тут, пожалуй, еще многовато мировоззренческих монологов и диалогов, когда герой излагает (чаще всего логично, убедительно) свое видение мира, выходя к той или иной из господствующих в ту эпоху концепций, от марксизма до нацизма. (Мне кажется, в этом у раннего Мештерхази также можно ощутить влияние М. Горького.) И знаменитая ирония Мештерхази тут еще только формируется, только еще учится быть легкой, но не легковесной, часто маскируясь под серьезность.

И тем не менее: тот, кто прочел, хотя бы уже и довольно давно, “Загадку Прометея”, и здесь, в первом романе, уловит кое-что от зрелого писателя; причем кое-что существенное, что позволяет сказать: да, это *уже он*, Лайош Мештерхази.

У меня был большой соблазн сказать: если в “Масленице” мы видим Мештерхази *до того*, как он стал коммунистом и, в той или иной мере, с доверием воспринял нормативы соцреализма, то в “Прометее” он предстает перед нами *после* — после того как избавился от утопических представлений о ми-

ре и человеке... Сказать так можно (собственно, я и сказал), но следует иметь в виду, что это — огромное упрощение. Хотя бы потому, что, отказавшись от коммунизма как сугубо партийного подхода к действительности, вовсе не нужно отказываться от гуманизма (принципиальной и последовательной защитницей которого коммунистическая идеология всегда старалась себя представлять), — более того, лишь освободившись от партийных шор, гуманизм и становится гуманизмом настоящим, плодотворно творческим, живым.

Примерно таким, каким наполнена “Загадка Прометея”.

Но все-таки сильнее хочется найти что-то общее между двумя романами, а следовательно, в творчестве Мештерхази в целом, — имея в виду прежде всего художественную, эстетическую материю.

И это — дело вовсе не безнадежное.

Уже в своем первом романе, который лежит сейчас передо мной, писатель продемонстрировал способность выявить и показать такие черты и особенности жизни человека и общества, которые, может быть, и тогда, и позже мало кто видел, и это характеризует его творчество куда красноречивее, чем самый скрупулезный научный анализ.

Вот пришла новость: германские войска вступили в Польшу. Ну да, это нам сейчас прекрасно известно: именно 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война, так что эта дата имеет роковой — для всего современного человечества, для нашей цивилизации —

смысл. Но, надо думать, и в Венгрии, в тогдашней наэлектризованной атмосфере ощущалось — не разумом, так чувствами, — что свершилось нечто непоправимое; пускай еще трудно было предвидеть, чем это обернется. Как реагирует на это венгерское общество?

“Война.

Долгое время ее не осмеливались называть по имени. Цензура вычеркивала это слово из газет; тех, кто произносил его вслух, задерживали как распространителей панических слухов.

<...>

Детективы дежурили в кинотеатрах, чтобы во время журнала кинохроники не звучало выкриков одобрения или осуждения; детективы шныряли в толпе, собиравшейся перед редакциями газет, и задерживали тех, кто допускал громкие замечания, комментируя вывешиваемые на плакатах новости”¹. В разговорах о событиях можно было пользоваться только словом “конфликт”.

И вот что мы видим в “Загадке Прометея”. Атрей, царь Микен, одержимый идеей господства над всем (тогдашним) миром, все силы, всю свою хитрость бросивший на подготовку завоевательного похода против Трои, в разговоре с миротворцем Гераклом стремится убедить его, что он, Атрей, принципиальный противник кровопролития. Он клянется сделать все, “чтобы помочь достигнуть соглашения, избежать войны, бес-

смысленной, братоубийственной войны”¹. (В Атрее, как его изобразил Мештерхази, просматриваются черты Гитлера; так же как в понятии “атреизм”, которым пользуется Мештерхази, много общего с фашизмом.) Но едва ли не самое удивительное здесь то, что лицемерие Атрея падает на благодатную почву: микенское общество принимает его за чистую монету — или с готовностью поддерживает официальную ложь. “Да, тот, кто разбирается в эллинской ситуации, — с великолепным лукавством замечает Мештерхази, — сказал бы в то время только одно: ‘Троянская война? Вот уж нонсенс, право!’”².

Родство между двумя романами можно обнаружить и в том, как выстроена в них структура персонажей. “Загадка Прометея” представляет нам широкую панораму “эллинского” мира, где действующие лица — тираны, циники, хитрецы, злодеи или просто пешки, которыми можно вертеть, как марионетками. Не лучше и боги-олимпийцы: самодур Зевс, интригантка Гера, туповатый мужлан Гефест, потаскушка Афродита и т. д. В соответствии с этим и весь древнегреческий мир — это сплошные интриги, войны, подсиживание друг друга, обман, убийства, грабежи. Во всей этой мешанине взаимной злобы, вражды, преступлений выделяются два героя: полубог Геракл и титан Прометей. Они

1. Лайош Мештерхази. Загадка Прометея. — С. 214.

2. Лайош Мештерхази. Загадка Прометея. — С. 216.

настолько чисты в своих помыслах и поступках, что тираны и хитрецы используют их простодушие в своих целях.

Задаваясь вопросом, почему Прометей, после того как был освобожден Гераклом, не оставил практически никакого следа в богатейшей древнегреческой мифологии, Мештерхази ясно дает понять: этот бог (“бог с подмоченной репутацией”) не совершил ни одного злодеяния (он “не творил никаких фокусов-покусов, не творил чудес. <...> Он работал. А поскольку знал, что от плохой работы плох и создаваемый мир, работал точно, красиво...” Это тоже загадка Прометея), а потому и не был увековечен в мифах.

Но и в “шабаше”, изображенном в первом романе Мештерхази, есть один персонаж, есть один журналист Ласло Ваги, который противостоит всеобщему безумию, остается единственным — или почти единственным — трезвым, нормальным человеком в толпе карьеристов и корыстолюбцев, захмелевших от вораха легких соблазнов. Как пишет в небольшом послесловии к книге сын писателя, Миклош Мештерхази, подготовивший ранний роман отца к печати, — среди персонажей есть человек, “который пытается понять, почему никто вокруг него не понимает простой вещи: в том, что происходит, главное — совсем не в умении извлечь барыш <...>, в общем, почему никто не понимает: близится момент, когда многим предстоит умереть”¹.

Есть в этом романе, написанном Лайошем Мештерхази непосредственно перед войной и в самом начале войны, и кое-что, поражающее читателя сильнее, чем злоключения древних греков, хотя мы и понимаем, что не такие уж они древние греки. И это “кое-что” приоткрывает нам еще одно измерение общественного человеческого бытия, измерение, которое, может быть, способно вывести нас за пределы всяких идеологий. Потому что любая идеология, будь она прогрессивной или реакционной, — это система норм, правил, отношений, которая призвана создать некоторое “равновесие” бытия, так или иначе примиряя с ним людей, ею (системой) охваченных. А здесь?..

Ласло Ваги с приятелем гуляют в окраинном районе Будапешта, рассуждая о высоких вопросах (социальная справедливость и т. п.). Увлеченные беседой, они выходят в заснеженное поле (время — канун Рождества) — и неожиданно обнаруживают, что вокруг, сколько хватает взгляда, возвышаются холмики, напоминающие могилы, но *изнутри* этих “могил” пробивается свет. Встретившийся им священник объясняет: это поселение бедняков, которые не в состоянии содержать хотя бы нищенскую лачугу. Эти люди, потеряв работу, вырыли себе землянки, где ютятся с женами и детьми. И даже наряжают у себя крохотные рождественские елки: детям ведь нужен праздник...

Нагнувшись и заглянув в щель “окна”, Ласло “увидел пару мерцающих свечек, и детскую головку, и возле нее —

еще одну. Они лежали рядом друг с другом”¹.

Священник объясняет, что таких “поселений” только во-круг Будапешта — несколько десятков.

Подобная тематика встречается у так называемых “народных писателей”: Дюлы Ийеша, Ласло Немета, Петера Вереша и других — это было целое мощное направление в венгерской литературе 30-х годов. “Народные писатели” открывали широкой общественности ту Венгрию (серия издаваемых ими книг так и называлась “Открытие Венгрии”), те огромные пласты населения — в основном крестьянство, — которым было и не до проблем справедливого

распределения благ: им нужно было просто выжить... То, что Мештерхази сомкнулся с “народными писателями” хотя бы в этом одном аспекте, свидетельствует о необычайной широте его видения, его писательских интересов. Не случись на его пути социалистического, коммунистического зигзага, неизвестно, куда бы вывела его логика созревания.

Однако о том, что она вывела его к “Загадке Прометей”, мы едва ли можем сожалеть.

Во всяком случае, прочтя другой его роман, семьдесят лет пролежавший в столе, убеждаешься: писала его та же рука, что написала “Загадку Прометей”.

1. Mesterházi Lajos. Farsang. — С. 251.